
ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 398.21(=511.142)

DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Прозаический фольклор ваховских хантов (к интерпретации современных записей)

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена интерпретации аудиозаписей прозаического фольклора, сделанных во время экспедиции к хантам реки Вах – одной из групп восточных хантов. 24 текста, записанные на ваховском диалекте, переведены на русский язык информантами. Русскоязычные тексты используются для жанрово-сюжетной характеристики образцов, а звукозаписи позволяют выявить особенности интонирования. Автор очерчивает круг источников, где опубликованы собранные на протяжении столетия образцы прозы ваховских хантов, обобщает сведения о жанрах и их народных наименованиях, кратко описывает сюжеты и образы текстов, с опорой на народную терминологию устанавливает две жанровые области прозы ваховских хантов – сказки и несказочная проза. Последняя опознается благодаря жанровому маркеру – инициальным словесным формулам. Для интонирования ваховских сказок и несказочной прозы характерны: обычная речевая манера, отсутствие поющих эпизодов и игры на музыкальных инструментах, наличие звукоподражаний. Напевное исполнение зафиксировано только в кумулятивной сказке.

Ключевые слова

фольклор обских угров, ваховские ханты, сказки, несказочная проза, интонирование, кумулятивная сказка

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Прозаический фольклор ваховских хантов (к интерпретации современных записей) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 43–52. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Prose folklore of the Vakh Khanty (to the interpretation of contemporary records)

G. E. Soldatova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to interpreting audio recordings of prosaic folklore made during the expedition to the Khanty of the Vakh river, the group of Eastern Khanty. Twenty-four texts recorded in the Vakh dialect of the Khanty language were translated into Russian by the informants themselves. Russian-language texts are used for genre-plot characterization of samples, and sound recordings are analyzed to reveal the intonation specifics. Several publications of Vakh

© Г. Е. Солдатова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 2 (iss. 44)

Khanty oral folklore samples collected during the century were considered, the largest being the collections published in Russian by N. V. Lukina and in Khanty by N. I. Tereshkin and L. E. Kunina. The author summarizes the information on genres and their folk names and briefly describes the plots and characters of folklore prose. Many plots common among the Vakh Khanty are known to the neighboring peoples: Selkups and Kets. Folk tales and non-fairytale prose have been found to be the main types of the Vakh Khanty prose. Non-fairytale prose texts are easily identified by the genre marker, the initial word formulas. All narrations have been found to be intoned in the usual speech manner: melodious performance is not typical for Vakh folktales and non-fairytale prose. No musical episodes sung or performed on musical instruments were found. To some extent, the “musicalization” of folktales and non-fairytale prose is due to the various onomatopoeia. The melodious performance has been found only in the cumulative folktale “Pyut’kyali” (“The Birdie”), with the main intonation of the Khanty telling preserved even in the sounding of the Russian translation.

Keywords

folklore of the Ob-Ugrians, Khanty of the Vakh river, folk tale, non-fairytale prose, intonation, cumulative folk tale

For citation

Soldatova G. E. Prozaicheskiy fol’klor vakhovskikh khantov (k interpretatsii sovremennykh zapisey) [Prose folklore of the Vakh Khanty (to the interpretation of contemporary records)]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 43–52. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-43-52

Хантыйский прозаический фольклор принадлежит к живым традициям, сохранившимся в Сибири, но степень его сохранности сильно варьирует в зависимости от локализации. Ваховские ханты¹ проживают на хорошо освоенной территории Нижневартовского района ХМАО–Югры, известного своими нефтяными месторождениями. Немногочисленное коренное население Ваха живет преимущественно в благоустроенных поселках в русскоязычной среде. Неудивительно, что степень владения родным языком у хантов здесь невелика, а знание фольклора – редкость.

Для того, чтобы выяснить степень сохранности фольклора и обрядов у ваховских хантов, Институтом филологии СО РАН в 2008 г. была организована экспедиция по р. Вах. Сотрудники института² обследовали поселки, расположенные в среднем и верхнем течении Ваха. Записи удалось сделать лишь в трех населенных пунктах – Охтеурье, Ларьяке и Корликах. Описание фольклорной ситуации в регионе по результатам полевых исследований приведено в статье [Сагалаев, Солдатова, 2008], материалы по обрядовой культуре и повествовательные тексты ваховских хантов на русском языке опубликованы в сборнике «Традиции и инновации в фольклоре народов Сибири» [Гомбожапов, Сагалаев 2008; Солдатова, 2008]. Тексты на хантыйском языке и точный построчный перевод пока не публикуются, поскольку образцы из этой коллекции планируется издать в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В статье используется материал, записанный в основном в с. Охтеурье и с. Ларьяк. Основные информанты – Сигильтова Валентина Нестеровна (56 лет), Хохлянкина Ульяна Тимофеевна (50 лет), Хохлянкина Наталья (Анастасия) Викторовна (42 лет), Прасина Марина Александровна (42 лет). Они входят в узкий круг людей, являющихся одновременно носителями ваховского диалекта хантыйского языка и знатоками фольклора этой локальной группы. Во время работы с информантами мы просили рассказать фольклорный текст по-хантыйски, а затем пересказать его по-русски – и в качестве подспорья русскоязычному собирателю, и ради снятия возможных вопросов в будущем у переводчика, владеющего другим диалектом хантыйского. Благодаря двуязычию информантов, их внимательности и старательности, записанные на русском пересказы получились достаточно подробными, близкими к переводу. Полученные таким способом образцы повествовательных жанров представляют отдельный интерес для исследователя: они могут быть сопоставлены с уже опубликован-

¹ Ваховские ханты – одна из этнолокальных групп восточных хантов, расселенная по берегам р. Вах и ее притоков.

² В составе экспедиции работали сотрудники сектора фольклора народов Сибири: визуальный антрополог К. А. Сагалаев, этнограф А. Г. Гомбожапов, этномузыковед Г. Е. Солдатова. Группа передвигалась на катере «Визан» (капитан В. В. Шубин, моторист Е. Ю. Фролов, г. Томск).

ными материалами по фольклору ваховских хантов, а наличие аудиозаписей дает возможность выяснить, как интонируются сказки и несказочная проза, какие исполнительские особенности отличают данную локальную традицию от иных.

Представленные в публикациях тексты фольклорной прозы ваховских хантов записаны преимущественно на русском языке. Единичные образцы сказок и преданий зафиксированы У. Т. Сирелиусом (1898–1900 гг.) [2001], К. Доннером (1912 г.) [1915], Г. М. Дмитриевым-Садовниковым (1909) [1998], М. Б. Шатиловым (1926) [1976; 2000]. Крупная коллекция ваховских повествовательных текстов собрана в 1969–1983 гг. и издана этнографами В. М. Кулемзиным и Н. В. Лукиной. Изначально запись велась на русском языке, избранные тексты были записаны на хантыйском на магнитофон и переведены на русский молодыми хантами. Публикации этих материалов осуществлены на русском в трех книгах: «Легенды и сказки хантов» [1973] – 18 текстов, «Материалы по фольклору хантов» [1978] – 37 текстов, «Мифы, предания, сказки хантов и манси» [1990] – 14 повторно опубликованных ваховских текстов, взятых из двух предшествующих изданий. Наши материалы (24 текста), записанные в 2008 г. и опубликованные на русском языке [Гомбожапов, Сагалаев, 2008; Солдатова, 2008], сопоставимы с упомянутыми выше коллекциями по количеству и, кроме того, имеются в звукозаписях³.

Первая коллекция народной прозы ваховцев на хантыйском языке и в переводе на русский опубликована выдающимся хантыйским лингвистом Н. И. Терешкиным «в качестве образцов связной речи» в его книге о ваховском диалекте [Терешкин, 1961, с. 99]. Девять из семнадцати текстов можно отнести к сказкам и преданиям, остальные – бытовые рассказы и загадки. Тексты не атрибутированы, указаны лишь населенные пункты, где проживали информанты: Лабаз-Ёган, Большой Ларьяк и Корлики.

В 2005 г. вышла книга Л. Е. Куниной, носительницы ваховского диалекта хантыйского языка – единственный сборник фольклорной прозы Ваха на двух языках [Альвы, 2005]. В него вошли 24 образца устного народного творчества, записанные автором в селениях Корлики, Сосновый Бор, Чехломей, Колекъёган в 1999–2002 гг. Материалы имеют паспортные данные, жанровую атрибуцию, комментарии некоторых выражений. В предисловии, написанном Т. А. Молдановым, представлена краткая характеристика персонажей и приведена народная жанровая терминология [Там же, с. 3]. Перечисленными коллекциями ограничивается круг изданий фольклорной прозы ваховских хантов.

Опираясь на опубликованные сведения, содержащиеся в работах Н. В. Лукиной [Кулемзин, Лукина, 1977⁴; Мифы, предания, сказки хантов..., 1990], Л. Е. Куниной [Альвы, 2005], Т. А. Молдановой [2009], можно предположить, что основными жанрами прозаического фольклора ваховских хантов являются сказка, рассказ, предание. В монографии В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной [Кулемзин, Лукина, 1977, переиздание – 2006] даны следующие термины и описания жанров:

– предания *илновэтјасән*⁵, среди которых повествования о борьбе с самоедами, цикл сказаний об Альвали и Сэвсики: «Последний представляется в разных обликах: то обыкновенного человека, то огромного существа, ломающего дерева, то в виде заколдованного старца или духа, ... в виде змеи с разным количеством голов» [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 165];

– сказки *ман'т'*, большинство из них – о животных, которые обладают человеческими качествами, помогают людям; если сказки о медведе, то он именуется иносказательно (он, старик, зверь);

– бытовые рассказы *јасән* [Там же, с. 165–166].

В предисловии Тимофея Молданова к книге Л. Е. Куниной приведена несколько иная народная терминология, характеризующая предания и рассказы: *илновэ йах эрэхлилтэ кӧл* ‘предание людей прошлых времён’, *эрэхлилтэ* ‘рассказ’ [Альвы, 2005, с. 3]. В то же время Татьяна Молданова словом *эрэхлилтэ* обозначает былички [2009]. Это говорит о том, что народные названия жанров (кроме сказки, которая называется практически одинаково во всех диалектах) не являются жестко закрепленными, и поэтому информанты могут сообщать собирателю номинации, отличающиеся друг от друга, образованные от значимых слов: *erəyliltä* ‘рассказывать’, *jäsəŋ* ‘рассказ, сказание’ и *ilnowət* ‘старое

³ Звукозаписи хранятся в секторе фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

⁴ Фольклористический раздел монографии написан Н. В. Лукиной.

⁵ Здесь и далее при цитировании сохранено написание оригинала. Одни и те же слова в разных источниках (даже у одного автора) могут быть написаны неодинаково.

время' [Терешкина, 1981, с. 50, 63, 65]. В статье Т. Молдановой упоминаются также мифы и мифологические предания, но хантыйский термин не назван [2009].

Решению проблемы жанровой систематизации прозаических текстов способствует прослушивание аудиозаписей и изучение хантыгского оригинала. В самом тексте находится ключ к пониманию установки сказителя на достоверность или недостоверность. Все информанты применяют словесные формулы в начале повествования, давая слушателю знать, будет ли сообщение содержать правдивую историю. Записанные на аудио образцы ваховской прозы, хантыгские тексты из сборника Л. Е. Куниной и книги Н. И. Терешкина содержат в начальных строках определенные слова или группы слов. «Ильновына-ильновына...» – так В. Н. Сигильетова начала рассказывать *быль* о том, как женщина выдала хантов врагам звуком своего мониста [Солдатова, 2008, текст 4]. По ее словам, с этого выражения всегда начинаются были, по-хантыгски они называются *ильновэ ях эрэглильта тахыл* 'перерасказ старых людей'. С фольклористической точки зрения это жанр преданий. Такой же или подобной формулой (*ильновынэ ях 'старые люди [рассказывали]'*) начинаются записанные нами образцы несказочной прозы: «Как старик обманул врагов», «Военная были», «Как подросток убил стариков из-за кровной мести», «Собачье озеро» (записаны от У. Т. Хохлянкиной), «Собака (Почему люди стали умирать)», «Почему люди устраивают медвежьих игрища» (записаны от М. А. Прасиной) [Там же, тексты 9–12, 17, 18]. В записях Л. Е. Куниной слова *ильновэяна* (*ильновэяна, ильнованэ*) 'в старину' встречаются только в тех образцах, что отнесены ею к преданиям. Словами *валэхэн* (*валэхэн, выллыгын-выллыгын* 'жили-жили', вариант: *ти выл-выл, ти выл-выл*) начинается большая часть сказок. Так же обстоит дело со сказками и в нашей коллекции. В текстах Н. И. Терешкина зачины включают слова: *валуэн / ти валлуэн / валвалт* (в переводе соответственно 'жили' / 'живут-поживают' / 'живут'), и только в одном тексте («Птичка и мышь») – *ил новэна* 'в старое время' [1961, текст 10].

Начальные словесные формулы, таким образом, выполняют функцию жанрового маркера: слово *ильнованэ* или его варианты в начальной строке текста обозначает, что перед нами образец несказочной прозы, а не сказка. Более дробного деления несказочной прозы на жанры (предание, мифологический рассказ, быличка) в народном представлении не сформировалось. Важен только критерий достоверности / недостоверности.

Образцы народной прозы различаются по героям и сюжетам. Самым популярным героем сказок является мифологический персонаж Сэвс-ики (*Сэвсики, Сэвэс-ики*; где *ики* – старик, *Сэвэс* – информанты затруднились перевести⁶), «негативный дух мужского пола» [Альвы, 2005, с. 3], который воспринимается как злой дух, похожий на медведя, но не медведь. Некоторые ханты, пытаясь объяснить это по-русски, называют его Бабой-Ягой. Его антиподом является Альвали – сын верховного бога Торума, посредник между богом и людьми, защитник людей от злых существ. В представлениях ханты, он имеет облики трясогузки, росомахи и паука [Там же, с. 129]. Сказки об Альвали и Сэвс-ики занимают значительную часть репертуара ваховских сказочников, о чем свидетельствуют записи разных лет. В числе других сказочных фигур – женский отрицательный персонаж Пэрни, медведь, заяц, бурндук, глухарь, лебедь и др. Популярные сюжеты, зафиксированные нами:

– Женщина, нарушив запрет на увеселения в темное время суток, развлекает детей, подбрасывая груди. Другая женщина не делает этого. Приходит Сэвс-ики и съедает семью женщины, нарушившей запрет, другая же спасается;

– Сэвс-ики отдает свою дочь в жены вдовцу, запретив ей говорить. Муж провоцирует ее нарушить табу и лишается жены;

– Брат и сестра – Трясогузки обманывают Сэвс-ики / Медведя, заманивают его в яму и протыкают зад острым предметом, из этого отверстия появляются комары и мошки. Другой вариант: Альвали рубает его топором и сжигает, из пепла появляется гнус;

– Ягодка и Соломинка спорят, кто дольше проживет. Обе проигрывают: Соломинка сгорает, а Ягодка лопаается от смеха.

Прозаические несказочные тексты, называемые в народе «былями», повествуют о следующем:

⁶ Ср. в публикации Н. И. Терешкина: *сэвсэ ики* в хантыгском, Дед Сывсы – в русском [Терешкина, 1961, с. 113 и др.].

- старик во время военных действий заманивает врагов в свой дом (чум) и поджигает их (известный у кетов и селькупов сюжет «Старик в заячьей парке»);
- ценная собака, оставленная хозяевами на старой стоянке, выжила вместе со щенками (отсюда название озера);
- человек из-за собаки (по наущению злого духа перепутавшей наказ бога) стал смертным;
- почему люди должны устраивать медвежий праздник и др.

Сюжеты о появлении гнуса из тела убитого или сожженного людоеда, а также тексты об огне, который наказывает хозяйку за плохое обращение с ним, или тексты, где объясняется, почему у глухаря брови красные, почему у бурундука полоски на спине, имеют многочисленные варианты в опубликованных собраниях хантыйских текстов [Терешкин, 1961; Легенды и сказки хантов, 1973; Материалы по фольклору..., 1978; Мифы, предания, сказки, хантов..., 1990; Альвы, 2005] и широкие аналогии в Сибири (манси, кеты, селькупы и др.) и за ее пределами (см. распространение фольклорно-мифологических мотивов в Указателе Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина⁷).

Судя по известным публикациям, сюжетно-образный состав сказок и несказочной прозы ваховских хантов довольно устойчив, он остается стабильным на протяжении как минимум ста лет (от первых записей У. Т. Сирелиуса и К. Доннера до наших сборов 2008 г.).

Имея в распоряжении звучащий материал, можно говорить о **характере интонирования** сказок и несказочной прозы у ваховцев, об отличии его от других хантыйских традиций. Показательными с этой точки зрения являются: инструментальное сопровождение сказывания или включение наигрышей в текст повествования, наличие музыкальных (песенных) эпизодов или фрагментов с выделенным (отличающимся от обычной речи) интонированием, иное омузыкаливание повествования (звукоподражания и пр.).

Известно, что в середине XX в. у хантов р. Вах существовал струнный музыкальный инструмент *панан-юх*, который «использовался при исполнении эпических произведений и в шаманских сеансах» [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 167]. У аганских хантов, также относящихся к восточной группе, до недавнего времени сохранялось вокально-инструментальное исполнение сказки: чередование голоса и звука струнного инструмента (арфы или лютни)⁸. Даже у северных хантов, где инструментальная культура практически не развита, есть примеры использования в сказках наигрышей на варгане *тумран*. Можно предположить, что ваховские сказки тоже некогда были связаны с игрой на музыкальном инструменте, но свидетельств этому не нашлось. В современной культуре ваховских хантов инструментальное музицирование не зафиксировано.

Отталкиваясь от известного в северо-хантыйской сказочной традиции сочетания речевой и поющей формы исполнения, а также включения музыкальных поющих эпизодов в словесную ткань повествования [Солдатова, 2020], можно предположить наличие таковых и в ваховских сказках и несказочной прозе. Однако вокальные (поющие) эпизоды в повествовательном фольклоре ваховских хантов отсутствуют – это подтверждается и аудиозаписями, и публикациями. Чтобы убедиться, что так было и раньше, пришлось переслушать все аудиозаписи и просмотреть тексты в источниках, наиболее представительных по числу образцов, на предмет наличия в них косвенных признаков поющих эпизодов: в вербальной расшифровке они обычно оформляются как стихотворный текст, предваряемый

⁷ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 11.11.2022) См. В74. Красноглазый глухарь. Глаза глухаря или тетерева покраснели от слез; Н28. Существо превращается в комаров. Убитое и уничтоженное (часто сожженное) существо (обычно людоед, свирепое животное, сильный шаман) превращается в жалающих насекомых или других вредных, неприятных или опасных существ; Н28А. Пепел сожженного превращается в комаров. Когда персонажа сжигают, дым и искры превращаются в комаров и других кровососущих насекомых, которые разлетаются по миру; В69. Полосатый бурундук. Желая отблагодарить или наказать небольшого грызуна (бурундука, сурка, белку), персонаж делает его полосатым, обычно проведя лапой или рукой ему по спине.

⁸ Восточно-хантыйские сказки с инструментальной музыкой зафиксированы новосибирскими и финскими исследователями. Некоторые записи помещены на компакт-диске, изданном в Финляндии: The Great awakening – music of the Eastern Khanty. Produced by J. Niemi and J.-M. Jukkara. Finland, 2001. (Global Music Centre, GMCD 0107).

словами «поет», «запел» и т. п. В текстах, опубликованных Н. В. Лукиной, Н. И. Терешкиным, Л. Е. Куниной, поющих эпизодов обнаружить не удалось⁹. Ваховская проза, зафиксированная нами в аудиозаписях, интонируется в обычной речевой манере, не напевно. Исключение составляет лишь кумулятивная сказка, о ней речь пойдет ниже.

Отсутствие пения и других средств омузыкаливания частично компенсируется включением в большинство сказок и несказочных образцов различных звукоподражаний. Это средство обогащает звуковой строй повествования, делает его более ярким и зримым. Имитации различных звуков присутствуют в текстах прозаических жанров всех упомянутых коллекций. Звукоизобразительная лексика хорошо видна в текстах, записанных на хантыйском языке. В сборнике «Альвы» [2005] сказки и предания содержат звукоподражания, смысл которых разъяснен в комментариях к текстам: *Тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч* – подражание «скрипу снега, в фольклоре связано с персонажем Сэвсики» [Альвы, 2005, с. 133]; *Пы-ы-ы* – полету комара [Там же]; *Пэчи-чи-най-най!* – птице [Там же, с. 135]; *Тик-тик-тикэрвэл* – быстрой ходьбе [Там же, с. 136]; *Пэцёх, пэцёх* – «огню, когда горит нечто сухое» [Там же, с. 138]. Также в сказке о нарушении запрета на вечерний шум стабильно употребляется звукоподражательный возглас героини: *Түти лавэс! Пэли лавэс!* ‘Груды висящие, пэли висящие’ (*пэли* – параллелизм к слову «груди») [Там же, с. 137]). В текстах, записанных на аудио, для изображения шагов Сэвс-ики и подбрасывания грудей использованы такие же звукоподражания: *Тягыр-пуч-пуч!* и *Тютти лавэс, пэли лавэс!*

Кумулятивная сказка «Пютъякли» («Птичка») записана от двух информантов из с. Охтеурье. Первый вариант рассказала Р. К. Карнаухова. Она слышала эту сказку от своего деда, Корнила Никитича Камина, знавшего много сказок и песен. Приводим текст полностью.

- Птичка, птичка, где лук и стрелы, куда дел? – он спрашивает. Отвечает птичка:
- Я положил стрелы на тот пень.
- А где этот пень?
- Этот пень огонь съел.
- А тот огонь куда делся?
- А тот огонь дождем залило.
- А этот дождь куда делся?
- А этот дождь четыре девицы (*шепотом*: зима, лето, весна, осень) развеяли.
- А куда эти четыре девицы делись?
- А этих четырех девиц обрывом смыло.

Птичка. Сказка. Перевод с ваховского диалекта хантыйского языка. Исполнитель Карнаухова (дев. фам. Сигильетова) Раиса Кузьминична, 1954 г.р. Записала Г. Е. Солдатова в с. Охтеурье Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Bird. Folk tale. Translation from the Vakh dialect of the Khanty language. Performer Karnaukhova (maiden name Sigilyetova) Raisa Kuzminichna, born in 1954. Recorded by G. E. Soldatova in 2008 in the village Okhteuriye of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

У ваховских хантов такой текст фиксируется впервые. Он имеет цепевидную структуру, построенную, согласно систематизации И. Ф. Амроян, по принципу словесно-текстового нанизывания (2.2.1. Логические ряды места) [Амроян, 2005, с. 73]. Самый близкий ему вариант записан Н. В. Лукиной на Васюгане [Мифы, предания, сказки хантов..., 1990, с. 255, текст 101]. В нем похожая образная цепочка: лук и стрелы, пень, костер, дождь, девчонки, вода. Мотивы поиска лука и стрел, перечисление природных стихий и явлений (земля, лед, солнце, облако, ветер) обнаруживаются также и в мансийском фольклоре, в частности, в опубликованной в том же издании сказке «Акврись» («Бабушка»), записанной В. Н. Чернецовым на Северной Сосьве в 1936 г. [Там же, с. 504, текст 197]. В публикациях встречаются и другие мансийские варианты сказки – похожие по структуре, но более далекие по образам.

⁹ Единожды встретилось слово «поет» перед звукоподражанием [Альвы, 2005, текст 14, с. 98–99].

Важные детали открываются при знакомстве со вторым вариантом сказки – под названием «Пютькяли и Сэвс-ики». Его исполнила Наталья Хохлянкина, дочь сказочника Виктора Яковлевича Хохлянкина. Она вспомнила лишь фрагмент сказки «про Сэвс-ики – про Бабу-Ягу».

- Птичка-птичка, куда ты свою стрелу полóжила?
- Я свою стрелу полóжила на пень. (Баба-Яга-то и говорит:)
- А на пне-то нету твоей стрелы. Куда ты стрелу дела?
- Я сюда стрелу, на пень лóжила.
- На пне твоей стрелы нету.
- Куда она делась? ...

Птичка и Сэвс-ики. Сказка. Перевод с ваховского диалекта хантыйского языка. Исполнитель Хохлянкина Анастасия (Наталья) Викторовна, 1966 г.р. Записала Г. Е. Солдатова в с. Охтеурье Нижневартовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Birdie and Sevs-iki. Folk tale. Translation from the Vakh dialect of the Khanty language. Performer Performer Khokhlyankina Anastasia (Natalia) Viktorovna, born in 1966. Recorded by G. E. Soldatova in 2008 in the village Okhteuriye of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Сказка на хантыйском исполнена напевно. Такое интонирование не является собственно пением, это скорее напевное и ритмичное проговаривание текста, в котором угадывается мелодический контур. Долгий слог всегда вокализован сильнее, его и ряд других звуков можно записать нотами, указав высоту. В ритмослоговой схеме¹⁰, приведенной ниже, жирным шрифтом показан более долгий (по сравнению с другими краткими) слог, на него приходится слабый акцент:

К	К	К	К	Д	К
<i>püt'</i>	<i>kä</i>	<i>li,</i>	<i>püt'</i>	<i>kä</i>	<i>li</i>

По нашей просьбе информант устно перевела этот текст на русский, строчка в строчку. Удивительно, но в переводе тоже сохранилась основная интонация, с которой прозвучала эта сказка на хантыйском:

К	К	Д	К
<i>Птич_</i>	<i>ка,</i>	<i>пти_</i>	<i>чка</i>

Значит, напевное исполнение очень важно для такого рода сказки – напев не потерялся в памяти исполнителя, а сохранился, распространяясь даже на иноязычный текст.

Сопоставление Птички и Сэвс-ики в миниатюрной сказке не может быть случайным, поскольку ваховская традиция знает несколько вариантов «большой» сказки об их противостоянии. Птичка – один из образов Альвали (Альвы), культурного героя, аналогичного северо-хантыйскому Ими-хилы и селькупскому Иття. В 1912 г. К. Доннер записал на Вахе «отрывок саги» о Пютькяли. Герой *pütkül änisäg*, большая птица, обманут сестрой. Он попадает к людоеду *sew'si ki* и, в обмен на свободу, обещает отдать за него замуж свою сестру. Вернувшись домой, он вместе с сестрой придумывает, как убить людоеда. Тот застревает в двери, а птица убивает его и поджигает дом; *sew'si ki* предрекает, что из его пепла каждое лето будут появляться комары и пить кровь людей [Доннер, 1915, с. 51–52]. К. Доннер считает, что этот текст «можно было бы сравнить с одним из эпизодов самоедского эпоса» [Там же, с. 51].

Схождения в фольклоре селькупов и восточных хантов не единичны, некоторые сюжеты являются общими для обоих этносов, а какие-то фиксировались и у кетов (например, о старике в заячьей парке, который сжег врагов в чуме; о женщине, развлекавшей младенцев подкидыванием грудей) и других народов¹¹. Особого внимания в связи с напевной кумулятивной сказкой «Пютькяли» заслуживает мифопоэтическая песня о человеке-птице «Пикуля», бытовавшая прежде у разных групп селькупов и кетов

¹⁰ Литеры К и Д обозначают краткие и долгие длительности соответственно, примерно равные восьмым и четвертям.

¹¹ На некоторые сюжеты, бытующие в фольклоре васюганско-ваховских хантов и встречающиеся у других народов, указывают В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина [Легенды и сказки хантов, 1973, с.8–9].

[Дорожкова, 1997]. Черты сходства обусловлены, по всей вероятности, длительными контактами обских угров с этносами кето-селькупского ареала.

Выводы, касающиеся исполнения сказок и несказочной прозы, получены на основании аудиозаписей и в результате сопоставления их с доступными публикациями ваховской народной прозы. Поскольку количество записанных материалов невелико и они иногда фрагментарны, то умозаключения, высказанные в данной статье, имеют предварительный характер. Мы выяснили следующее. В жанровом отношении фольклорная проза ваховских хантов делится на две области: сказки и несказочная проза. Последняя легко опознается благодаря жанровому маркеру – инициальным словесным формулам. Все повествования интонируются в обычной речевой манере: напевное исполнение для ваховских сказок и несказочной прозы не характерно, вставных эпизодов (поющих или играемых на музыкальных инструментах) нет. Омузыкаливание текстов в некоторой степени происходит благодаря вкраплению в них многочисленных звукоподражаний. Напевное исполнение зафиксировано только в кумулятивной сказке, происхождение которой может проясниться через сопоставление с фольклорными традициями соседних народов.

Большинство исполнителей фольклорной прозы ваховских хантов прекрасно знают родной язык, но писать на нем не умеют. Понятно, что передача фольклорной традиции в данном случае происходит устным путем, не испытывая влияния книжной культуры. Есть надежда, что такая передача не прервется. Наличие нескольких вариантов текста, записанных в одном населенном пункте, свидетельствует как раз об этом.

Список литературы

- Äл'вы. Альвы. / Сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 144 с.
- Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2005. 296 с.
- Гомбожапов А. Г., Сагалаев К. А. Материалы по повествовательному и обрядовому фольклору ваховских хантов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов. Новосибирск, 2008. С. 129–134.
- Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Доннер К. Самоедский эпос / Пер. с англ. В. М. Крутковского // Труды Томского Общества изучения Сибири / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1915. Т. 3. Вып. 1. С. 38–53.
- Дорожкова Т. Ю. Кеты и селькупы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 103–129.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. 226 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр и К°, 2006. 208 с.
- Легенды и сказки хантов / Записи, введение и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. 62 с.
- Материалы по фольклору хантов / Записи, введение и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. 216 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хант., манс., нем. яз. / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 568 с.
- Молданова Т. А. Женские образы в прозаическом фольклоре р. Вах // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: Материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). Ханты-Мансийск, 2009. С. 371–377.
- Сагалаев К. А., Солдатова Г. Е. Фольклор и обряды хантов реки Вах: современное состояние // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 362–376.
- Сиреллус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 344 с.

Солдатова Г. Е. Музыка в северо-хантыйских сказках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 41–62. DOI: 10.17223/18137083/73/3

Солдатова Г. Е. Материалы по фольклору обских угров // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов. Новосибирск, 2008. С. 111–128.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка / Отв. ред. К. Е. Майтинская. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Ч. 1: Ваховский диалект. 205 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 542 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 228 с. (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Шатилов М. Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. С. 155–165.

References

Ал'ву. Ал'ву. L. E. Kunina (Comp. and transl.). Tomsk, TSU Publ., 2005, 144 p. (In Khanty, in Russ.).

Amroyan I. F. *Povtor v strukture fol'klornogo teksta (na materiale russkikh, bolgarskikh i cheshskikh skazochnykh i zagovornyykh tekstov)* [Repetition in the structure of the folklore text (on the basis of Russian, Bulgarian and Czech folk tale and incantation texts)]. Moscow, Gos. respubl. tsentr rus. fol'klora, 2005, 296 p. (In Russ.).

Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Versty i stroki* [Versts and lines]. Ekaterinburg, Sredne-Ural'skoe kn. izd., 1998, 223 p. (In Russ.).

Donner K. Samoedskiy epos [Samoyed epic]. V. M. Krutkovsky (Transl. from English). In: *Trudy Tomskogo Obshchestva izucheniya Sibiri* [Proceedings of the Tomsk Society for the Study of Siberia]. G. N. Potanin (Ed.). Tomsk, 1915, vol. 3, iss. 1, pp. 38–53. (In Russ.).

Dorozhkova T. Yu. Kety i sel'kupy [Kets and Selkups]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri [Traditional Musical Culture of the Peoples of Siberia]. Bk. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional Music Culture of Indigenous Peoples of Siberia]. pp. 103–129. (In Russ.).

Gombozhapov A. G., Sagalaev K. A. Materialy po povestvovatel'nomu i obryadovomu fol'kloru vakhovskikh khantov [Materials on narrative and ritual folklore of the Vakh Khanty]. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri: Sb. nauch. statey i materialov* [Traditions and innovations in the contemporary folklore of the peoples of Siberia: Coll. of sci. art. and materials]. Novosibirsk, 2008, pp. 129–134. (In Russ.).

Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse 19 – nachale 20 vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 20th – early 20th centuries: Ethnographic essays]. Tomsk, TSU Publ., 1977, 226 p. (In Russ.).

Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse 19 – nachale 20 vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 20th – early 20th centuries: Ethnographic essays]. Tyumen, Mandr i Ko, 2006, 208 p. (In Russ.).

Legendy i skazki hantov [Legends and Tales of Khanty]. V. M. Kulemzina, N. V. Lukina (Record., intr., and footnotes). Tomsk, TSU Publ., 1973, 62 p. (In Russ.).

Materialy po fol'kloru khantov [Materials on the folklore of Khanty]. V. M. Kulemzina, N. V. Lukina (Record., intr., and footnotes). Tomsk, Tomsk, TSU Publ., 1978, 216 p. (In Russ.).

Mify, ppedaniya, skazki xantov i mansi: Per. s khant., mans., nem. yazykov [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. N. V. Lukina (Pref., comm.), E. S. Novik (Ed.). Moscow, Nauka, Gl. red. vost. lit., 1990, 568 p. (In Russ.).

Moldanova T. A. Zhenskie obrazy v prozaicheskom fol'klоре r. Vakh [Female characters in the prose folklore of the river Vakh]. In: “*Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov...*”: *Materialy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. yubileyu M. K. Vagatovoy (Voldinoy)* [“Relatives, I do not hide the beautiful from your eyes ...”: Proc. of sci.-pract. conf. with intern. part., devoted to the anniv. of M. K. Vagatova (Voldina)]. Khanty-Mansiysk, 2009, pp. 371–377. (In Russ.).

Sagalaev K. A., Soldatova G. E. Fol'klor i obryady khantov reki Vakh: sovremennoe sostoyanie [Folklore and rituals of Khanty of the Vakh River: the current state]. In: *Aktual'nye problemy sibirskoy fol'kloristiki: Materialy Vseros. nauch. konf.* [Actual problems of Siberian folklore. Materials of All-Russian sci. conf.]. Novosibirsk, 2008, pp. 362–376. (In Russ.).

Shatilov M. B. Dramaticheskoe iskusstvo vakhovskikh ostyakov [Dramatic art of the Vakhovsky Ostyaks]. In: *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk, TSU Publ., 1976, p. 155–165. (In Russ.).

Shatilov M. B. *Vakhovskie ostyaki (Etnograficheskie ocherki)* [Vakh Ostyaks (Ethnographic Essays)]. S. G. Parhimovich (Ed.). Tyumen, Yu. Mandriki Publ., 2000, 228 p. (Kraevedcheskaya bibliotekha zhurnala "Lukich" [Local history library of the "Lukich" magazine]). (In Russ.).

Sirelius U. T. *Puteshestvie k khantam* [Travel to Khanty]. N. V. Lukina (Transl. from German and publ.). Tomsk, Tomsk, TSU Publ., 2001, 344 p. (In Russ.).

Soldatova G. E. Materialy po fol'kloru obskikh ugrov [Materials on folklore of the Ob-Ugrians]. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri: Sb. nauch. statey i materialov* [Traditions and Innovations in the Modern Folklore of the Peoples of Siberia: Coll. of sci. art. and materials]. Novosibirsk, 2008, pp. 111–128. (In Russ.).

Soldatova G. E. Muzyka v severo-khantyyskikh skazkakh [Music in the Northern Khanty folk tales]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 41–62. DOI: 10.17223/18137083/73/3 (In Russ.).

Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [Essays on dialects of the Khanty language]. K. E. Maitinskaya (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, pt. 1: Vakhovskiy dialect [Vakh dialect]. 205 p. (In Khanty, in Russ.).

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 542 p. (In Khanty, in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.09.2022*

Сведения об авторе

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the Author

Galina E. Soldatova – Candidate of Art Studies, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1421-6075